

СТАТЬИ

ДЕКАБРИСТЫ ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

(К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕКАБРИЗМА)

Академик М. В. Нечкина

*«Дух преобразования заставляет,
так сказать, везде умы kloкoтaть...»*

П. И. Пестель.

*«...Привести в бoрeниe пpaвa нaрoдa
и пpaвa caмoдepжaвия...»*

Г. С. Батеньков.

Движение декабристов в России порождено объективным развитием исторического процесса. Процесс этот вызвал к жизни во многих странах революционные явления, разнообразные по форме, но единые в главном. Главное же состояло в том, что феодальный строй шел к упадку и разлагался, а в недрах его вызревал новый, прогрессивный в тот период строй — капиталистический. Оба процесса находились в теснейшем противоречивом взаимодействии: разложение феодализма порождало элементы капитализма. Революционные взрывы двигали историю вперед. Эти положения представляются общеизвестными. Может быть, именно в силу этого они иногда оказываются позабытыми, молчаливо предполагающимися и поэтому исчерпанными, не нуждающимися в исследовании. А ведь они могут оказаться и творческим импульсом, открывающим путь новой проблематике. И именно они создают базу методологических установок, которые освещают теоретическим светом дальнейшее изучение темы.

Критика с этих позиций отдельных новых исследований не входит в задачу данной статьи. Но поставленный вопрос методологически важен. Не преследуя цели исчерпать его, мы хотели бы остановиться лишь на одной из сторон — на связи декабристов со всемирно-историческим движением их времени. Связи с какими именно конкретными явлениями? Очертим сначала их круг. Он не исчерпывается только Испанской революцией 1820 г., неаполитанскими и пьемонтскими событиями и восстанием в Греции. Он гораздо шире. И широта его — дополнительный довод в пользу того, что речь идет не о случайно совпавших по времени явлениях, а об определенной полосе развития, существенном этапе в истории человеческого общества.

Переход от устарелого, изживающего свою «нисходящую» стадию феодализма к молодой, более прогрессивной формации — капитализму — великий период в истории человечества. Длился он не один век.

Если даже начинать отсчет не с Нидерландской революции, а открыть его Английской буржуазной революцией XVII в., то между нею и следующим революционным взрывом лежит целое столетие. В середине XVIII в. включился в движение второй континент — Североамериканский. Пока Западная Европа копила силы для взрыва, раздался набатный колокол из-за океана: вспыхнула революционная война американского народа «против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку». «В американском народе есть революционная традиция...— писал В. И. Ленин.—Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке...»¹. Имеет ли война американского народа за независимость отношение к сокрушению феодальных устоев старого общества во всемирно-историческом процессе? Самое прямое. Американцы восстали против чинимых Англией препятствий к их свободному капиталистическому развитию. Значение этой войны в истории человечества неоспоримо². Это она «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии»³. А новые буржуазные процессы всего европейского континента были в это время еще подавлены, стеснены несброшенным феодальным гнетом.

Великая Французская буржуазная революция всего через 13 лет запылала первой на континенте Европы, потрясая феодальные устои. Ее воздействие на весь мировой исторический процесс было огромно: «Исполинская метла французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства»⁴. К. Маркс справедливо заметил, что «революции 1648 и 1789 годов не были *английской* и *французской* революциями; это были революции *европейского* масштаба»⁵. Поскольку в дальнейшем воздействие Французской революции на Америку — не только Северную, но и Южную — отрицать невозможно, масштаб этих революций, указанный К. Марксом, можно даже расширить. Накопив огромный опыт борьбы, явив перед лицом многих народов, рвавшихся из феодальных пут, реальные возможности освобождения, они готовили их к открытой борьбе. Но, говоря о метле, которая начисто смела феодальный хлам минувших веков, не надо забывать, сколько европейских стран еще оставались под феодальным гнетом и вовсе не очистились от этого хлама. Они только мечтали о такой метле, но уже знали, как она метет и как приняться за дело.

Войны Наполеона вскоре обнаружили глубокое противоречие. Вышедши из недр революции, завоеватель Европы прилагал разные критерии к своей стране и к побежденным. Как победитель, он обернулся поработителем народов: все — во имя процветания Франции, а завоеванным — угнетение! Правда, побежденным иногда перепали с пиршественного стола наполеоновских побед крохи буржуазных преобразований, но для них сохранились именно те цепи, которые сорвала с себя Франция. Когда Россия в 1812 г. нанесла Наполеону сильнейший удар, это поражение оказалось сигналом к освобождению для поработенных Наполеоном народов Европы. Некоторое время направление удара (победить Наполеона! Изгнать поработителя!) в войнах 1813—1814 гг. было общим для народов и мечтавших о реставрации феодальных монархов. Но стоило для основной борьбе завершиться победой над поработителем,

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 48, 58.

² Интерес к вопросу о США и декабристах не иссякает: в монографии Н. Н. Болховитинова «Русско-американские отношения. 1815—1832» (М. 1975) этой теме отведена целая глава. См. также Н. Н. Болховитинов. Декабристы и Америка. «Вопросы истории», 1974, № 4.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 9.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 339.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 115.

как интересы народов и монархов резко разошлись, или, точнее, обнаружилось глубокое и ранее существовавшее противоречие. В Европе началась «война народов и царей», как метко сказал в одном из своих стихотворений декабрист В. К. Кюхельбекер.

Венский конгресс отчетливо возродил принцип «легитимизма», а «Священный союз» в самое краткое время показал свое страшное реакционное лицо. Народы, одержавшие победу над поработителем, оказались обманутыми. «Цари преступили клятвы свои»⁶, — писал в каземате Петропавловской крепости декабрист П. Г. Каховский. Вот с этого-то времени и развертывается открытая «война народов и царей», особый этап развития буржуазных революций в Европе. Начался он с тех ранних революционных взрывов, которые загремели в Европе в те годы, когда Наполеон «увяз в Испании» и лишь готовился к походу на Россию. Эти взрывы лишь предвестники последующих революций и восстаний, чаще всего военных, вздымавшихся высокой волной в Европе эпохи «Священного союза»⁷.

Новая революционная ситуация создалась в Европе примерно во втором пятилетии XIX в. и длилась до середины 1820-х годов. Она складывается из ряда революционных ситуаций в различных странах, переходивших затем в революции, буквально сменявшие одна другую. Та эпоха была насыщена революциями, пожалуй, как ни одна предыдущая. Одна революция отделялась от другой не столетиями, как ранее, а несколькими годами, а иногда и месяцами. Революционные ситуации и революции обошли почти все европейские страны, где стояли на очереди одни и те же задачи буржуазных преобразований. После великой революции во Франции и во время наполеоновских нашествий в этих странах накопились потенциальные силы для революционного натиска. В некоторых странах революционная ситуация перешла в революцию, в других она не докипела. Не имея возможности перечислить все революционные выступления, остановимся лишь на главных, в общем ряду которых стоит и движение декабристов. За указанный короткий срок в одной Европе можно насчитать не менее десятка революционных выступлений, отмеченных рядом общих черт.

Открывает их первая Испанская революция 1808 года. Мы привыкли учитывать лишь вторую революцию (1820 г.) — такова традиция декабристоведения. Но вопрос надо поставить более широко, ведь вторая революция совершенно непонятна без первой, иначе основной лозунг — восстановление конституции 1812 г. — неизвестно откуда берется.

В октябре 1807 г. войска Наполеона оккупировали Испанию, а через несколько месяцев восстание, загоревшись на территории королевской резиденции в Аранхуэсе, выразило сразу народный протест как против ничтожных испанских правителей (клика Годоя с ее всевластием при жестоком короле), так и против французских оккупантов. Карл IV был свергнут, на престол вступил Фердинанд VII. В марте 1808 г. французские войска заняли Мадрид. В начале мая там поднимается восстание, жесточайше подавленное Наполеоном. Прогнав Фердинанда VII с испанского престола, Наполеон, как известно, возвел на него своего брата Жозефа. Далее Испания и Португалия становятся территорией схватки Наполеона с Англией. Испанская герилья — широкая народная война — бушует против французских захватчиков. В 1810 г., в тяжелых условиях войны, в Кадиксе, на освобожденной от оккупантов территории, восставшие испанцы созывают Учредительные кортесы, издают революци-

⁶ «Из писем и показаний декабристов». СПб. 1906, стр. 12.

⁷ Мы не останавливаемся в силу специфики темы и объема статьи на более ранних революционных движениях конца XVIII в., нередко теснейшим образом связанных с последующей революционной борьбой (Польша, Греция).

онные декреты о ряде буржуазных преобразований. Начинается первая в стране буржуазная революция.

В 1812 г. публикуется принятая кортесами конституция, отменяющая в Испании феодальные повинности крестьян и привилегии дворянства, ликвидирующая абсолютизм. Испания становится конституционной монархией с резко ограниченной властью короля. Позже — в 1820—1821 гг. — конституция 1812 г. станет, как уже упоминалось, знаменем еще трех буржуазных революций — в Португалии, в Неаполитанском королевстве, в Пьемонте. Пройдет еще несколько лет, и декабрист Никита Муравьев, тщательно изучая и обдумывая текст испанской конституции 1812 г., сочтет возможным использовать ее в ряде случаев в своем конституционном проекте для России. Он работает, таким образом, не просто над текстом, возникшим в Испании, а над памятником, прошедшим через четыре революции. Об этом тоже не стоит забывать.

Таким образом, первая испанская революция 1808 г. открыла собой новый этап буржуазно-революционного движения на европейском континенте. Движущими силами этой революции было не только крестьянство, но и буржуазия, а также революционеры-дворяне. Реакционное дворянство оказывало им яростное сопротивление. Слабость испанской буржуазии и классовая ограниченность революционного дворянства наложили свою печать и на работу Учредительных кортесов 1808 г. и на содержание принятой ими конституции. Однако в создавшихся условиях и деятельность кортесов и созданный ими конституционный документ сыграли значительную прогрессивную роль в историческом процессе того времени, подтачивавшем и подточившем феодализм.

Вторым восстанием, вплотную идущим за первой испанской революцией, была почти синхронная с ней революция 1808 г. в Португалии. Наполеон оккупировал ее, как только она отказалась примкнуть к континентальной блокаде 1807 года. С разрешения испанского временщика Годоя французские войска прошли через Испанию и заняли Португалию. В ноябре 1807 г. наполеоновские военные силы захватили Лиссабон. Уже наученная примером Испании, королевская семья, придворные и полтора десятка сотен португальских дворян бежали в Бразилию (португальскую колонию), не позабыв захватить с собою государственную казну и многочисленные ценности. Так что «свергать» абсолютистскую монархию португальцам пока что не пришлось — монарх с присными убежал сам. Был, правда, наскоро составлен бессильный «Совет регентства», который поспешил признать власть наполеоновской Франции. Страна как бы сама отдавала себя под власть иноземного диктатора. В этих условиях в Португалии вспыхнуло одно из сильнейших восстаний, вскоре охватившее всю страну. Центром движения был Оporto. Здесь находился центральный комитет восстания, отсюда шли нити и к другим городам, где повсюду создавались местные комитеты — хунты (жунты). Восстание было направлено как против французских оккупантов, так и феодального угнетения.

Буржуазная Англия, главный враг Наполеона, уже чуяла свою добычу. Установив связи с португальскими феодалами и одновременно приняв облик друга попираемого Наполеоном португальского народа, Англия поспешила направить «на помощь» португальцам свои войска. Соединившись с португальским войском, английские военные силы постепенно стали вытеснять с португальской территории французских оккупантов. В 1811 г. этот процесс закончился, и освободившаяся от одних захватчиков Португалия сразу попала под гнет других. В стране установилась жестокая диктаторская власть английского генерала Бересфорда, главнокомандующего англо-португальской армией. Как видим, подавленное восстание возникло и прошло свой путь в очень своеобразных условиях. Через 6 лет оно загорится вновь. Таково было второе крупное

революционное выступление из интересующего нас ряда. Его буржуазно-революционная сущность несомненна.

Далее события переносятся на север Европы. Следующей, третьей по нашему условному счету (мы придерживаемся хронологической последовательности, отмечая даты начала революций), надо считать буржуазную революцию в Швеции, вспыхнувшую ранней весной 1809 года⁸. Руководящая роль дворянских революционеров была в ней явственной. Восстание началось в Вермланде, а 13 марта 1809 г. дошло до Стокгольма. Король Густав IV был свергнут. Принятая конституция установила в Швеции представительное правление, ликвидировала ряд форм феодального угнетения. Власть короля была ограничена конституционными учреждениями. Собранный риксдаг избрал нового короля — Карла XIII. Таким образом, было покончено с абсолютистской самодержавной монархией — ее заменила монархия конституционная. Согласно конституции, риксдаг избрал также наследника престола. Им оказался, как известно, не кто иной, как наполеоновский маршал Бернадот, который и вступил на трон через восемь лет (1818 г.) под именем Карла XIV.

Может быть, декабристы не знали о революции в Швеции и не имели о ней мнения? Знали. Имели. Декабрист И. Д. Якушкин ссылался на «пример тайных обществ, имевших сильное влияние во многих государствах, особенно в Швеции и Пруссии, подавая надежду, что введение таковых обществ могло быть успешно и в России»⁹. Декабрист В. И. Штейнгель подразумевал именно этот переворот, когда в разговоре с К. Ф. Рылевым обсуждал, необходимо ли царубийство. «Насчет намерений против царской фамилии, — показывает Штейнгель, — я представлял ему (Рылеву. — М. Н.) благородный пример Швеции, и он, казалось, во всем соглашался со мною и уверял, что до кровопролития не дойдет и не допустят»¹⁰. Действительно, в Швеции смена абсолютистского монарха конституционным и самый факт введения представительных учреждений обошлись без кровопролития. Прекрасно осведомлен был о шведских делах того времени декабрист Михаил Орлов. Николай Тургенев в своем дневнике пишет о беседах с ним на эти темы.

Дальнейшее развитие нового этапа буржуазных революций в Европе перерезается бурными событиями конца наполеоновского владычества. В 1812 г. Россия кладет конец успехам европейского победителя, отбрасывает его обратно, лишённого войск, в Западную Европу. Начинаются кампании 1813, 1814 и 1815 гг., полные огромного социального содержания.

⁸ В советской литературе к шведским событиям 1809—1810 гг. применено название «верхущечная буржуазная революция» (см. недавно вышедшую коллективную работу «История Швеции». М. 1974, стр. 337; одна из глав этой книги носит название «Верхущечная буржуазная революция 1809—1810 гг.»). Вполне приемлемое в живой речи и в научной печати определение «верхущечная» трудно употреблять в смысле строгой, устоявшейся научной дефиниции. Эта терминология неудобна, да и не нужна. Подавляющее большинство реальных буржуазных революций не доводили своей работы до конца и оставляли ряд феодальных пережитков. Выразительный классический пример — Английская буржуазная революция XVII в., сохранившая крупное землевладение знати, самое знатное с некоторыми привилегиями и ряд других феодальных пережитков. Буржуазная Англия как метрополия продолжала к тому же тщательно охранять феодальный строй в колониях, постоянно пользуясь им для укрепления своего владычества. Поэтому вынесение эпитета «верхущечная» в заголовок, где звучание принципиально, едва ли удачно. Конкретная характеристика степени силы буржуазной революции в каждой изучаемой с этих позиций стране, конечно, необходима, но вместе с тем и достаточна. Жаль также, что по структуре книги более поздние события в истории Швеции и Норвегии, относящиеся к 1814 г., предпосланы буржуазной революции 1809—1810 гг., а не следуют за нею, как было в действительности.

⁹ «Восстание декабристов» (далее «ВД»). Т. III, стр. 48

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 360 (В. И. Штейнгеля), л. 24 об. Дело Штейнгеля в целом оставалось до сих пор не опубликованным. В скором времени оно увидит свет в XIV томе издания «Восстание декабристов», который сейчас готовится к печати.

Новая революция вспыхнула в 1814 г. в Норвегии против попыток ее порабощения Швецией. Борьба с Наполеоном уже шла к исходу, военные действия переносились на территорию Франции. Положение Норвегии в это время крайне усложнилось. С давнего времени соединенная экономическими и политическими связями с Данией, Норвегия оказалась картой в игре союзных держав, свергавших владычество Наполеона. Швеция же, где наполеоновский маршал оказался наследником королевского престола, давно и жадно претендовала на обладание Норвегией, с ее морскими связями, обилием удобных гаваней, обращенных к Англии, с близким типом торгово-промышленного развития и с перспективой дальнейшего общения с Новым Светом. За Норвегию наследник шведского престола Бернадот (фактически уже почти полновластный властитель Швеции при престарелом короле) обещал помогать России в борьбе с Наполеоном¹¹. Условием была помощь царя в давлении на Данию и в предстоящем овладении шведами Норвегией. Судьбой большой, жаждавшей самостоятельности страны распорядились без ее ведома и согласия!

Как только все это стало известным в Норвегии, там поднялось сильнейшее движение протеста. Оно охватило все слои населения, и редкие голоса прошведских ставленников тонули в общем хоре. Вспыхнуло восстание, объективно началась буржуазная революция¹². 10 апреля 1814 г. в Эйдсволле открылось Учредительное собрание, провозгласившее Норвегию независимым государством. 17 мая 1814 г. Учредительное собрание приняло норвежскую конституцию. Ф. Энгельс назвал ее самой демократической из всех, существовавших тогда в Европе¹³. Она действует в Норвегии по настоящее время.

Швеция, чувствуя себя обойденной и бессильная сопротивляться революционным событиям в соседней стране, обратилась к союзным державам (России, Англии, Пруссии, Австрии) с просьбой о вмешательстве и помощи. На Скандинавский полуостров отправилась миссия союзных уполномоченных. В ее составе мы встречаем Михаила Орлова. Герой Отечественной войны, русский генерал, подписавший от имени России акт о капитуляции Парижа, он, представляя царское правительство, обязан был как дипломат выступить против революционной Норвегии и защищать идею ее унии с ненавистной ей Швецией. Но, побывав в Дании, Норвегии и Швеции, будущий декабрист (революционные события в Норвегии разыгрались почти что на его глазах) стал... на сторону Норвегии! Редкий случай, когда декабрист прямым образом прикосновенен к ходу исторического процесса в другой стране. 16 августа 1814 г. в Стокгольме Орлов составил обстоятельную записку о выполнении им дипломатического поручения — она была написана в защиту Норвегии¹⁴. Позже Орлов рассказывал другому декабристу — Николаю Тургеневу, что, посетив Норвегию, он увидел, что «дело норвежцев, восставших про-

¹¹ Еще в апреле 1812 г., накануне войны, Швеция заключила с Александром I тайный договор — участвовать на стороне России в войне против Наполеона, а за это заручилась согласием царя содействовать присоединению Норвегии к Швеции, заставить Данию отказаться от Норвегии. В 1813 г., как только разгром Наполеона в России стал фактом, Бернадот напал на союзницу Наполеона — Данию, а в январе 1814 г. принудил ее подписать тяжелый для нее Кильский трактат, по которому Норвегия отходила к Швеции.

¹² В. Теплов. Расторжение шведско-норвежской унии. «Русский вестник», 1905, №№ 11 и 12 (имеются данные и о предшествующем периоде). Литература по истории Норвегии на русском языке невелика. В настоящее время в Институте всеобщей истории АН СССР готовится коллективный труд «История Норвегии». В плане его имеется глава VII — «Наполеоновские войны и буржуазная революция 1814 г.» (см. ротاپринтированный проспект. М. 1974, стр. 5).

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 86.

¹⁴ В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909, стр. 662.

тив присоединения их отечества к Швеции, справедливо и достойно уважения»; с этим он и согласовал свое поведение¹⁵. Смелая акция!

Николай Бестужев показывает на следствии: «Бытность моя в Голландии 1815 года в продолжении 5 месяцев, когда там устанавливалось конституционное правление, дала мне первое понятие о пользе законов и прав гражданских; после того двукратное посещение Франции, вояж в Англию и Испанию утвердили сей образ мыслей». Следовательно, политический переворот 1815 г. в Голландии после наполеоновского поражения имел свидетелем будущего декабриста¹⁶.

Таким образом, декабристы могли не только читать в иностранных и русских журналах о событиях в Испании, Португалии и Норвегии, они могли слышать и устные, еще более компетентные рассказы друзей-декабристов — непосредственных очевидцев и даже деятелей описываемого процесса. Заметим попутно для хронологической связи, что через два года после Норвежской революции в России возникло в 1816 г. первое тайное общество декабристов — Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов Отечества.

Дальнейшее десятилетнее развитие движения декабристов ложится на фон чередующихся революций в Европе. Декабристы принадлежат к той же самой исторической полосе.

Следующей — шестой, по нашему условному счету, — была Португальская военная революция 1817 года. События опять резко передвигались на юг Европы. Протест против оккупантов-англичан быстро стал назревать после победы над вытесненными французами. Диктатура английских оккупантов, возглавленная генералом Бересфордом, была еще более тяжелой, а связь его с феодально-клерикальными кругами Португалии — слишком очевидной. В 1817 г. восстало несколько полков португальской армии. Тайное общество, руководившее восстанием, было раскрыто. Во главе его стоял португальский генерал Фрейри ди Андради. Он был казнен. Но реакции и на этот раз не пришлось долго торжествовать.

Знали ли декабристы о событиях в Португалии? Знали и говорили о них между собой. Об этом имеются свидетельства П. И. Пестеля, М. П. Бестужева-Рюмина, К. П. Торсона. К списку можно добавить Ивана Фонвизина. В этом перечне представлены, как видим, Южное и Северное общества, а в лице И. Фонвизина — Москва. Вероятно, Португальская революция 1820 г. была для них основной темой, но могли вспоминаться при этом и более ранние события.

Седьмой, по нашему условному счету, явилась столь привычно знакомая декабристоидам Испанская революция 1820 г. с Рафаэлем дель Риго и Антонио Квируга (правильнее — Кирога) во главе. Их знаменитые выступления непонятны без предшествующих, только что упомянутых событий. Самый ход этой революции не один раз излагался в литературе о декабристах, напомним о нем лишь кратко, подчеркнув некоторые недостаточно оттененные ранее стороны.

Испанскую революцию 1820—1823 гг. возглавили дворянские революционеры — Риго и Квируга, офицеры экспедиционного корпуса, направляемого в Южную Америку для подавления революционного

¹⁵ Достойно удивления, что советские историки, изучающие историю Швеции, не посвятили специальной статьи данному эпизоду и не осветили вопрос по дипломатическим материалам, которые, очевидно, отложились в архивах. В. И. Семевский, оставивший наиболее полный обзор данного вопроса в своей монографии, сообщает, что донесения М. Орлова из Дании, Норвегии и Швеции на французском языке, хранящиеся в петербургском архиве министерства иностранных дел, «были извлечены норвежским ученым Нильсеном (Nielsen)». Это дало Семевскому возможность отыскать их в печати. Семевский ссылается на «Aaktsstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjobenhavn og Christiania i Aaret 1814», стр. 59, 169—246 в издании «Skrifter udgivne af Videnskabselskabet i Christiania 1897». II Historisk-filosofisk Klasse. Kristiania, 1897, № 3 (см. В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 662).

¹⁶ «ВД». Т. II, стр. 64.

движения против колониального испанского господства. Важно отметить здесь, что солдаты и офицеры этой экспедиции сами хорошо знали цену бед от иноземных оккупантов. Многие из них прошли школу герильи—сопротивления, борьбы против иноземной оккупации. Каково же было им самим становиться оккупантами чужих отечеств, во имя этого бросать свою родину, ехать за океан, умирать в мучениях? Не было ничего вдохновляющего в предстоящей экспедиции. В испанском корпусе шло возрастающее брожение. Восстание началось 1 января 1820 года. Полковник Риего силою оружия освободил из-под ареста генерала А. Квиругу, и перед фронтом войск они провозгласили лозунг восстановления испанской конституции 1812 г., насыщенной антифеодальными призывами. Сначала население не отвечало на воззвания военных революционеров, но в конце февраля восстание стало разрастаться, в городах появились революционные хунты. 7 марта восстал Мадрид. Король Фердинанд VII, перепуганный событиями, присягает конституции. Она наносит сильные удары феодальному угнетению народа, уничтожает инквизицию, провозглашает гражданские свободы. В начале июля 1820 г. созываются кортесы, восстанавливающие буржуазные преобразования 1810—1812 гг. — конституцию 1812 года.

Осведомленность декабристов в испанских событиях самая широкая, это факт, давно известный в декабристоведении. И в допросах на следствии и в мемуарной литературе часто звучат их жаркие слова об Испании. Мы располагали мнением П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева, К. Ф. Рылеева, П. Г. Каховского, А. А. Бестужева, братьев А. П. и П. П. Беляевых, В. Л. Давыдова, В. И. Штейнгеля, А. С. Гангеблова, Д. И. Завалишина и ряда других. Все они с большим усердием собирают о ней информацию, многократно обдумывают вопрос, учитывают ее опыт. Источниками информации были не только журнальная и газетная пресса, но и личные контакты. Декабристы Н. Бестужев и А. Беляев общались с испанскими инсургентами и очевидцами событий, когда были в Испании. Участник Испанской революции 1820 г. офицер Дон Хуан Ван-Гален, попавший после революции сложным путем (через Англию) в Россию и оказавшийся на военной службе в войсках А. И. Ермолова, познакомился там с декабристами и их друзьями (А. И. Якубовичем, В. К. Кюхельбекером, А. С. Грибоедовым) еще до восстания 14 декабря 1825 года.

Успех революции в Испании — сигнал для Неаполитанского королевства, где давно уже работают карбонарские венты. В июле того же 1820 г. загорается Неаполитанская военная революция, возглавленная членом карбонарской венты — генералом Гульельмо Пепе. Гнет Габсбургской монархии оказался хуже владычества Наполеона, — карбонарии поднимаются против угнетения народа феодально-клерикальной реакцией, против легитимизма, против чужеземного господства. Основной лозунг тот же, что в Испании, — конституция 1812 года! Но Неаполитанская революция предана королем Фердинандом: притворно соглашаясь стать конституционным монархом и принимая конституцию 1812 г., он тайно обращается за помощью к «Священному союзу». Лайбахский конгресс выносит постановление о вооруженной интервенции в Неаполитанское королевство, и в марте 1821 г. на Неаполитанскую революцию обрушилась австрийская интервенция. Восстание подавлено.

Как бы принимая революционную эстафету, в марте того же 1821 г. поднимается революционное восстание в Пьемонте. И тут движение организовано итальянскими карбонариями. Восставшие также выдвигают требование установления конституции 1812 г. по образцу испанской. Но в апреле пьемонтское восстание уже было подавлено королевскими войсками и австрийскими интервентами. Отсутствие у революционеров опоры на народ, связи с массами характерны для пьемонтских событий.

Высказывания декабристов о событиях в Неаполе и Пьемонте очень часты. Нередко они объединяются в их суждениях с испанскими.

Почти одновременно с Пьемонтом, также в марте 1821 г., поднимается восстание в Греции. Александр Ипсиланти, офицер русской службы (хорошо знакомый с Михаилом Орловым и другими декабристами, завсегдатай кишиневского дома Орлова), перешел в русской военной форме вместе со своим отрядом границу и возглавил вооруженные отряды этеристов. В этом случае военная революция сразу встречается с сильным массовым движением против турецких поработителей. Размах массового движения в греческом восстании — один из самых широких. В январе 1822 г. созванное в Эпидавре Национальное собрание провозглашает независимость Греции. Развязывается гражданская война. Соглашение турецкого султана с египетским пашой направляет на восставшую Грецию объединенные силы контрреволюционных притеснителей. Конечной датой Греческой революции можно считать 1827 г., когда в Трезоне третье Национальное собрание избирает президентом И. Каподистрию.

Итак, в течение почти двух десятилетий в Европе и Америке не затухало революционное движение. Восстание декабристов было самым коротким в этой «войне народов и царей». Если — и то с некоторым преувеличением (поражение восстания на Сенатской площади стало очевидным в тот же день) — считать сроком его жизни период с 14 декабря 1825 г. по 3 января 1826 г., когда было разгромлено выступление Черниговского полка на Украине под Трилесами, то вся протяженность восстания равна 21 дню. Но вспомним, что тайные общества декабристов жили и работали перед этими двумя десятками дней около 10 лет. Тогда все движение, взятое в целом, получит исторический срок иного звучания.

Мы перечислили революции и значительные революционные восстания в Европе за годы жизни и деятельности первых русских революционеров-декабристов: две испанских революции (1808—1812 и 1820 гг.), две португальских (1808 и 1817 гг.), две скандинавских — шведская (1809 г.) и норвежская (1814 г.), две итальянских — неаполитанская (1820 г.) и пьемонтская (1821 г.), греческое восстание (1821—1827 гг.). Присоединим сюда восстание декабристов в России (1825 г.). Его нельзя считать последним в этом ряду, — оно было разбито и подавлено в то время, когда греческое восстание еще продолжалось. Поэтому именно греческое восстание завершает, как мне представляется, этот особый этап буржуазных революций в Европе.

Этап этот возник в своеобразной исторической ситуации — на исходе наполеоновских войн, в годы Венского конгресса и «Священного союза». Список выступлений далеко не полон. Он обогатится, если добавить переворот 1815 г. в Нидерландском королевстве, сильное брожение и серьезные движения во Франции (включив сюда и кинжал Лувеля, 1820 г., покончивший с последним, — учтем это! — представителем ненавистного рода Бурбонов — символа «старого порядка»). Присоединим сюда и конституционное движение в еще раздробленной Германии, не забудем убийства Коцебу кинжалом Зандта (1819 г.), упомянем об антифеодальных движениях в Австрии. Вся картина в целом свидетельствует о своеобразном периоде. Декабристы точно вписываются в этот период по антифеодальной программе, конституционным проектам, «Манифесту к русскому народу», по военному характеру выступления — первого открытого восстания на площади столицы против самодержавия и крепостного права — и по многим прочим признакам. Они органически принадлежат эпохе, — без них она неполна. Именно восстанием декабристов огромная крепостная самодержавная Россия вступила во всемирное революционное движение.

Во многих выступлениях той эпохи значительную, а иногда и руководящую роль играют дворянские революционеры. Вопрос о роли пере-

довых дворян в буржуазно-революционном движении изучен крайне мало. Нельзя не пожалеть, что ленинское понятие «дворянская революционность» еще не взято на вооружение историками этих революций,— оно может сослужить им большую службу. Ленинская категория «дворянской революционности» методологически поможет им как в анализе классового характера идеологии участников движения, так и при изучении внутренней дифференциации дворянства на этом историческом этапе.

Общая картина революционного процесса той эпохи не будет завершена, если не подключить и Латинскую Америку, несомненное и очень крупное слагаемое в огромном комплексе революционных движений эпохи, которые необходимо учесть.

Сначала кратко — о ходе самих событий. В 1810 г. в Мексике началась война за независимость испанских колоний. Это была, по существу, крестьянская революция против помещичьего угнетения. Помещики-креолы в испуге поддержали испанских колонизаторов, жестоко подавлявших восстание. Но оно поднималось вновь. Момент военной революции тут налицо, хотя и не преобладает. Полковник Итурбиде, став во главе восставших войск и используя партизанские отряды, разгромил и изгнал из Мексики испанские войска. Он провозгласил себя императором страны, но в конечном счете Мексика в результате сильного массового движения объявила себя федеративной республикой в 1824 г. (как раз незадолго до восстания декабристов).

Десятые годы XIX в. синхронно с упомянутыми выше мексиканскими событиями являются временем начала сильного движения на третьем континенте, в Южной Америке. Выдающаяся фигура Симона Боливара очень сложна. Но можно ли обойтись при анализе его деятельности без ленинского понятия «дворянская революционность»? Не является ли применение его в данном случае методологически перспективным? Военный по профессии, выходец из знатной креольской среды Венесуэлы, Боливар становится одним из главных вождей в борьбе испанских колоний за независимость. Боязнь самостоятельного движения масс, столь свойственная дворянским революционерам на европейском континенте, классово ограничивает его действия, как и деятельность многих военных руководителей. Между тем массы являются как раз сильнейшей движущей силой событий. Оккупация метрополии Наполеоном ясно свидетельствовала о слабости одряхлевшей феодальной Испании и открывала ее колониям пути к борьбе за независимость. Свержение ига испанцев не могло не означать объективно начала одновременной борьбы против феодального угнетения, которое выражалось в южноамериканских странах в особо тяжелых рабско-феодальных формах¹⁷. Но как ни были значительны феодальные пережитки, оставшиеся в социально-экономическом строе освободившихся от зависимости стран, объективные черты зачатков буржуазной революции (хотя бы в первичных формах) остаются прогрессивным моментом освобождения от колониального ига.

Когда креолы в 1810 г. под руководством Боливара захватили власть в Венесуэле и ряде других территорий, испанцы еще сумели восстановить свое господство в 1815 г., подавить восстание и вернуться к власти. Но в 1816 г. в Венесуэле вспыхивает новое восстание под предводительством Боливара. В 1819—1822 гг. освобождаются от власти колонизаторов территории Венесуэлы, Колумбии, Панамы, Эквадора. В 1817 г. в Ла-Плате, перейдя Анды, генерал Хосе Сан-Мартин во главе

¹⁷ Декабристы были, разумеется, ярыми противниками рабства и рабовладения. П. И. Пестель еще в своих юношеских учебных записях «Практические начала политической экономии» подробно разбирает вопрос о невыгодности и недопустимости рабовладения (см. М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. I. М. 1955, стр. 116). В частности, в ходе изложения этого вопроса Пестель упоминает С.-Доминго, Ямайку Мексику («Красный архив». Т. XIII. М.-Л. 1926, стр. 193, 207).

своих отрядов, опираясь на широкое партизанское движение, освобождает от испанского владычества Чили (1818 г.) и Перу (1821 г.). В 1822 г. провозглашена независимость португальской колонии Бразилии. Выделяются события 1824 г. — повстанцы под командованием генерала Сукре, сподвижника Боливара, окончательно разбивают в Верхнем Перу испанские войска. 1824—1825 гг. являются временем окончательного освобождения Перу от власти испанцев (в 1826 г. последний, жалкий испанский гарнизон капитулировал в перуанском порту Кальяо). В августе 1825 г. конгресс в Чукисаке (ныне столица Боливии, названная именем Сукре, в честь сподвижника Боливара) объявил независимость Верхнего Перу, названного в честь Боливара Боливией.

Но, собственно, при чем тут декабристы? — спросит иной читатель. Они, правда, Соединенными Штатами интересовались, но знали ли они о событиях на третьем континенте? Ведь в Южной Америке они не были. Вообразите, были. И воочию видели ряд событий, развертывавшихся перед их глазами. Они могли о многом рассказать и рассказывали своим товарищам. Да, кроме этого, немало иностранных (а также русских) журналов и газет, полных сообщений о ходе борьбы за независимость в Южной Америке, побывало в их руках.

В ответах на анкету «о воспитании» декабрист К. П. Торсон (моряк) пишет о посещении разных стран: «В 1817 году был 1-й раз во Франции, потом в 1819, 1820, 1821 в Англии, Бразилии, Португалии». Он вступил в тайную организацию декабристов, «находя цель общества согласно с моими желаниями и виде в Бразилии пример». Как раз в 1821 г. в Бразилии развертывалось движение за независимость. О революции в Бразилии пишет в своем дневнике и Николай Тургенев, замечая: «Что почта, то революция!»¹⁸. Декабрист Д. И. Завалишин также был в Бразилии во время революционных событий. «Мы посетили Бразилию в чаду своевольства», — показывает он на допросе. В своей обычной «выспренней» и несколько вычурной манере Завалишин пишет следственному комитету: «Как часто под ясным небом Бразилии я отдыхал в тени лимонных и апельсиновых рощ, между тем как взоры мои наслаждались видом полей, покрытых ананасами...». Еще раз останавливаясь на том, что наблюдал он в Бразилии, Завалишин показывает: «Я хотел объяснить спокойствие столь бурной нации, как Франция — в Бразилии; думал найти разгадку сему, виде там множество буйных революционеров, облегчавших выходом своим страну ту»¹⁹.

Большинство южноамериканских революций в возникновении своем носит военный характер. Нередко во главе их стоят дворянские революционеры. Крупнейшие деятели этих революций Симон Боливар, Антонио Хозе Сукре, Хосе Сан-Мартин — это военные. Их почин поднимает армию. Без армии никакая война за независимость не могла бы ни начаться, ни победить: ведь против восставших стоят войска метрополии. Но рядом с военной революцией поднимается, растет, ширится (в разнообразных формах) уже созревшее ранее массовое движение против колонизаторов. На него объективно во многих случаях опирается военная революция, в других она сталкивается с ним. Закономерно возникают противоречия между целями, намеченными военными руководителями, и целями народных масс, не в первый раз поднявшихся на борьбу. Но в программе дворянской революционности все же всегда в наличии какие-то формы борьбы с феодальным угнетением. Объективно победа движения ведет к развитию новых, пусть урезанных, неполных, но все же прогрессивных в данной исторической обстановке форм капиталистического развития. При этом остаются в силе и феодальные пережитки.

¹⁸ ЦГАОР СССР. ф. 48, д. 361 (К. П. Торсона). л. 22 об. Дело Торсона пока не издано; оно войдет в XIV том публикации «Восстание декабристов».

¹⁹ «ВД». Т. III, стр. 230, 252, 275.

В процессе освобождения американских стран от колониального господства Англии, Испании, Португалии образовалось более 15 республиканских государств. В них созывались учредительные конгрессы, обсуждались основы новой власти, принимались конституции, торжественно провозглашалась независимость. Перед нами налицо революции — во многих случаях победные, с положительным исходом. Накопленный Южной Америкой опыт имел большое историческое значение и, надо думать, учитывался декабристами в их размышлениях.

Теперь приведем знаменитую и обошедшую почти все работы о декабристах глубокую мысль Пестеля. Последняя строка взята эпиграфом для настоящей статьи. Она звучит как бы итогом всего предшествующего: «...Происшествия 1812, (18)13, (18)14 и (18)15 годов, равно как предшествовавших и следовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия познакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (*fait bouillir les esprits*)»²⁰.

Вдумаемся в ход размышлений декабристов. Выберем лишь несколько примеров, которые покажут нам, что отклики первенцев русской свободы на зарубежные революции не простые констатации, не восклицания эмоционального характера, а анализ нового опыта. Члены тайных обществ декабристов ловили сообщения о каждом событии, копили информацию о ходе мирового освободительного движения и внимательно ее анализировали. Они определяли, в чем смысл событий, какова их связь между собою, что можно учесть для России, что необходимо продумать для предстоящих ей революционных дел. Ко всей этой большой умственной работе так не подходят термины «влияние», «подражание», «заимствование»... Такие неверные и неточные слова не служат научному исследованию, не дают критерия для оценки и отбора фактов, скорее даже сбивают историка с правильного пути.

Члены тайных обществ напряженно следят за нарастающими событиями. «В Гишпании восстало несколько полков. Опять ли все погибнет? И надолго ли?» — тревожно спрашивает в феврале 1820 г. Н. Тургенев в своем дневнике. Но вот торжествующие строки мартовской записи: «Вчера получено здесь известие, что король испанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия гиспанская! Слава гишпанскому народу! Во второй раз Гишпания показывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству...». «Во второй раз...», «...опять»... Это декабрист вспоминает о первой испанской революции 1808—1812 гг. и сразу связывает оба события. Ему хорошо известна первая революция, для него ясно происхождение конституции 1812 г. и ее роль.

²⁰ «ВД». Т. IV, стр. 105. Можно предположить, что Пестель, говоря о Турции, имеет в виду реформу Селима III, введившего «новую систему» («низам-и-джедид») — европейское обучение армии и флота, строительство мануфактур, пороховых заводов, новые меры в области финансов. Нововведения, фактически направленные против янычар, встречали резкое недовольство феодалов и янычарского войска. Выражение «вся Америка» подразумевает оба американских континента.

«Инсургенты вели себя весьма благородно,— продолжает запись Николай Тургенев.—Объявили народу, что они хотят конституции, без которой Гишпаниа не может быть благополучна, объявили, что может быть предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству; но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить и останется в сердце гишпанского народа». Заметим: это пишет член Союза Благоденствия. Испанская конституция 1812 г. учреждает конституционную монархию. Но пройдет еще немного времени — и Московский съезд Союза Благоденствия примет в 1821 г. по докладу Пестеля единогласным голосованием республиканскую программу. И Николай Тургенев, участник съезда, когда очередь голосовать дойдет до него, скажет свою знаменитую фразу: «Le président, sans phrases!» («Президента, без дальних толков!»). Идет самостоятельная работа мысли, принимаются иные решения, не испанские, а свои. Но в лаборатории их подготовки рассуждения об Испанской революции заняли свое место, сыграли свою роль.

Но вот наступает 1823 год. Революция в Испании разгромлена. Может быть, декабристы пали духом и бросили испанскую тему? Напротив! Совещание южных декабристов в Каменке в 1823 г. специально обсуждает вопрос о разгроме второй испанской и португальской революций, тему о Неаполе. Идут большие дебаты, осмысление происшедшего, извлечение уроков. Тут суммируются впечатления нескольких революций. «Происшествия в Неаполе, Гишпаниа и Португалии имели тогда большое на меня влияние,— показывал Пестель.— Я в них находил, по моим понятиям, неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей». Тут же в логической связи с обсуждаемой темой декабристы вновь заговорили о необходимости царевубийства. Сергей Муравьев передает часть споров в Каменке, анализируя трагический исход испанской революции: «На означенных совещаниях в Каменке было действительно говорено о Испании, но не в подтверждение необходимости истребления всей царской фамилии, а в доказательство необходимости введения конституционного порядка в России посредством Временного правления, ибо рассуждаемо было, что испанцы не в том сделали ошибку, что сохранили жизнь королю и всей королевской фамилии, а в том лишь, что они королю вверили введение опровергнутой им однажды конституции»²¹.

Что это? «Влияние испанских событий», «подражание», «заимствование»? Нет, это зрелое политическое обсуждение реальнейшего вопроса, решить который нужно в русских условиях,— потому-то он жгуч и неотложен. Это разговор мыслящих революционеров, учет опыта революции в другой стране на основе компетентной и продуманной информации. И выводы о желательном характере будущих революционных действий в России в данном случае как раз не совпадают с опытом ни Испании, ни Португалии, ни Неаполя.

Декабрист Каховский — член Северного общества, с Пестелем не общавшийся,— заявляет на следствии, что «нарушение конституции во Франции и совершенное ее уничтожение в Испании» были причиной того, что он согласился с необходимостью истребить всю царскую фамилию. У него, собственно, тот же ход логического размышления, что и у Пестеля. Это — изучение опыта поверженных революций, а не «влияние» и не «подражание». Это, собственно, тот же тип работы мысли над опытом, завоеванным мировым революционным движением, который свойствен любому мыслящему революционному деятелю.

²¹ «ВД». Т. IV, стр. 350.

Имелись, разумеется, и позитивные оценки опыта одних революций в противовес практике других (недостатка в выборе не было!). Матвей Муравьев-Апостол так восстанавливал сравнительный анализ Пестеля относительно революций в Европе, противопоставляя им войну за независимость США: «Пестель доказывал, что главная ошибка, которая препятствовала введению нового порядка вещей, состояла в том, что люди, которые делали переворот, полагали, что можно прямо из старого порядка войти в новый. Он доказывал свое мнение о сем успехе, который Северная Америка имела в достижении своей цели потому единственно, что она имела Временное правление сильное и ничем не остановленное в своих действиях — что сие Временное правление находилось в особе Вашингтона, который был военный и гражданский начальник Америке»²².

Детальное представление декабристов о событиях, живое суждение о них, извлечение уроков хорошо видны из одного показания А. Поджою. Он приехал к Матвею Муравьеву-Апостолу известить о казни Риего: «Говорю: погиб человек, хотя тот самый, который уничтожил инквизицию и пытки, избавил много заточенных, тех самых, провозгласивших в 1809-м году Конституцию; та самая Конституция, которую государь наш признал настоящею в 1812-м году в великолуцком трактате с Испанией, и которую, однако ж, теперь разрушили как незаконную, говоря, что политика государя нашего, прежде движимая избавлением народов, теперь обратилась на подавление их. Матвей Мур(авьев) мне говорит: Риего сам виноват, должен был основать республику и никак не верить присяге тирана...»²³.

Военные революции, как отмечалось выше, как правило, возникнув, встречаются с народным восстанием. Отчасти они сливаются с ним свои лозунги и действия, в других случаях сталкиваются, оказываются в противоречии. Вдумываясь в знаменитые строки стихотворения Рыльева, где упоминается вождем Испанской революции Риего, мы замечаем в них определенную концепцию желательного соединения этих сил:

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И в бурном мятеже, ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риего²⁴.

Понимание вопроса ясно: народное восстание добудет народу «свободные права», если его возглавит Риего (предводитель военных сил). Но без Риего оно останется бесплодным «бурным мятежом», вотще ищущим «свободных прав» для народа. В основе этой концепции — идея возможности и необходимости успешного соединения народного движения с руководством военной революции. Но вот и другая концепция, возникшая в Южном обществе, к которому М. П. Бестужев-Рюмин присоединяет общество Соединенных славян: «Наша революция будет подобна революции испанской — она не будет стоять ни единой капли крови, ибо совершится одной армией, без участия народа»²⁵, — восклицает он в своей речи. Активное участие народа в восстании отрицается вообще. Для народа, но не через народ! Два разных толкования испанского опыта — поиски правильной концепции.

Сами декабристы восстают против следователей, объясняющих их

²² «ВД». Т. IX, стр. 254. Отсюда, кстати, перетолкованный слух о том, что Пестель мечтает быть Вашингтоном. В слухе опущена мотивировка, что обедняет его смысл и лишает связи с существом дела.

²³ «ВД». Т. XI, стр. 73.

²⁴ «Поэзия декабристов». «Библиотека поэта». Большая серия. Л. 1950, стр. 84.

²⁵ И. И. Горбачевский. Записки. Письма. М. 1963, стр. 23.

вольнодумие «подражательностью» злокозненному Западу. Трактовка чтения «вольномысленной» литературы как причины их выступления возмущает эмоционального Александра Поджио. Он протестует из камеры Петропавловской крепости против такого понимания: «В каких мы книгах нашли убеждение необходимости введения именно республиканского правления,— сего беспримерного еще образа правления относительно к народонаселению, духу разноплеменных наших народов и обширности государства нашего? В каких книгах почерпнули ту неистовую необходимость прибегнуть к тем умышленным преступлениям? Какие летописи народные могли мы применять? Какие преобразования правления государства могли мы применять к преобразованию правления нашего государства, чтоб убедиться в необходимости подражательной? Нет, все дело наше есть наше, имеющее отпечаток совершенно отличительной от всех прочих, могущих входить в сравнение с нашим! Ужели, читая какого-нибудь Вордена²⁶, могли мы от него заимствовать убеждение и в России ввести Республику, подобную той, о которой он говорит? Соединенным Штатам многосложность служит силой и оплотом,— мы сего избегали, опасались, чтобы введением федерального правления государство наше не распадалось на части,— там жителей девять миллионов, у нас сорок. Там переселенцы Англии, у нас Россияне!.. Там мечь направлена была к врагам внешним, а мы врагов искали среди нас...»²⁷.

Работа мысли декабристов над историей восстающих народов рождала даже творческие замыслы — от научных до поэтических. Интерес Николая Бестужева к государствам «третьего континента» проявился в замысле опубликовать в «Сыне Отечества» сюиту статей под общим названием «О новейшей истории в нынешнем состоянии Южной Америки». Автор успел напечатать лишь первую статью, «1 Парагвай», опубликованную в начале 1825 г.; дальнейшие, разумеется, не увидели света. Парагвай не случайно заинтересовал декабриста. В 1811 г. власть Испании в Парагвае была свергнута, Парагвай был объявлен независимым; руководителем борьбы Хозе Гаспар Франсиа, лидер радикального течения, был избран главой правительства и содействовал своими мероприятиями уничтожению феодальных пережитков. Н. Бестужев положительно характеризует деятельность этого революционера: статья дышит сочувствием к Парагваю и его передовому правительству²⁸. Правда, Н. Бестужев очень осторожен и сохраняет в статье не один цензурный «заслон», для вида порицающий революцию. Статье придан компилятивный характер, данные собраны из многих источников, цензурные «заслоны», возможно, взяты отсюда же. Автору, активному члену тайного Северного общества и вместе с тем официальному историографу российского флота, приходилось проявлять осторожность. 14 декабря 1825 г. Николай Бестужев сам выведет на Сенатскую площадь восставших матросов — гвардейский морской экипаж...²⁹.

Декабристу Д. И. Завалишину принадлежит работа «Калифорния в 1824 г.»³⁰. Автор (моряк) посетил Калифорнию на русском корабле

²⁶ Ворден — автор труда о Соединенных Штатах Северной Америки, вышедшего в Англии в 1819 году.

²⁷ «ВД». Т. XI, стр. 42—43.

²⁸ Л. Ю. Слезкин дал убедительный анализ этой работы декабриста Н. Бестужева в своей книге «Россия и война за независимость в Испанской Америке» (М. 1964, стр. 344—346). VIII глава этой монографии посвящена теме «Солидарность декабристов с борьбой патриотов Испанской Америки (1823—1825)».

²⁹ Любопытна и более ранняя статья Н. Бестужева о Голландии. Он оказался там вместе с матросами Балтийского флота, не «поспевшего к разгрому Наполеона и выжидавшего дальнейших распоряжений». «Записки о Голландии 1815 г.» написаны в то время, когда эта страна после свержения Наполеона переживала значительный перелом в своей судьбе. Бестужев, как сказано, был свидетелем этого.

³⁰ «Русский вестник». Т. 60. 1865, ноябрь.

«Крейсер» и приветствовал в беседах с жителями свержение испанского гнета. В литературном наследии этого декабриста много материалов об Америке.

Работа мысли декабристов над историей их мятущейся современности отражалась и в поэтическом творчестве. К. Ф. Рылеев не раз касался этих тем в своих стихах. Об упоминании Риго в его знаменитом «Гражданине» («Я ль буду в роковое время...») уже говорилось выше. Известны его стихи, касающиеся греческого восстания. Они посвящены А. П. Ермолову и написаны в 1821 г.— в год начала Греческой революции:

Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов, поспеши спасать сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!

Стихотворение Рылеева «На смерть Байрона» прославляет подвиг присоединения поэта к борьбе греческого народа и оплакивает его безвременную смерть: «Увянул Байрон в цвете лет в святой борьбе за волюность грека». Рылееву видится его гроб в Миссолунги:

Рыдая, вокруг его килит
Толпа шумящего народа;
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит...

Завершая, хочется подчеркнуть, что вопрос о декабристах во всемирно-историческом процессе поставлен не мною и не кем-либо из декабристоведов. Он поставлен самими декабристами. Особо ясную, отчетливую, богатую конкретным материалом формулировку дал ему П. И. Пестель в своем знаменитом показании на следствии, последняя строка которого и взята эпиграфом к настоящей статье.

Исчерпать огромный материал этой темы в рамках одной статьи просто невозможно. Хочется выразить надежду, что специалисты по всеобщей истории не останутся к ней равнодушными. Это одна из больших и перспективных для разработки проблем декабризма и одновременно всеобщей истории.